

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ЧЕТВЕРТОГО ПОРТРЕТА» (ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ВИКТОРА МОИСЕЕВИЧА ДАЛИНА)

М.В. Далин

Летом 1976 г. Альберт Захарович Манфред завершил работу над монографией «Три портрета эпохи Великой французской революции» и сдал рукопись заказчику. В начале декабря того же года А.З. принял участие в Европейском конгрессе деятелей культуры в Руайомоне (Франция), а по возвращении в Москву 16 декабря 1976 г. скоропостижно скончался. По заданию Издательства «Мысль» Виктор Моисеевич Далин переработал «Предисловие» к монографии, и 21 февраля 1978 г. книга была подписана в печать. Получив авторские экземпляры, В.М. Далин в августе 1978 г. презентовал один из них своей сестре и ее дочери со следующей дарственной надписью: «Дорогим Юле и Вале на память о человеке, который заслуживал “четвертого портрета”».

Идею о «четвертом портрете» В.М. Далин реализовал в 1981 г., когда выпустил в издательстве «Наука» книгу «Историки Франции XIX-XX веков», посвященную «памяти Альберта Захаровича Манфреда». Открывает монографию очерк о французских историках эпохи Реставрации – О. Тьерри, Ф. Гизо и Ж. Мишле. Далее следуют очерки-портреты А. де Токвиля, П.А. Кропоткина, Н.М. Лукина, Е.В. Тарле, А. Матъеза, В.П. Волгина, Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя, А. Собуля. Звездную галерею продолжают главы, посвященные Б.Ф. Поршневу, Э.А. Желубовской, Кл. Виллару. Завершается книга очерком «Мастер исторического портрета», где описывает жизнь и творческую судьбу А.З. Манфреда.

О своих отношениях с А.З. автор рассказывает так: «Имя А.З. Манфреда часто встречается на страницах этой книги. Вместе с ним в 1928-1929 гг. мы занимались в семинаре Н.М. Лукина, определившим наш путь как историков Франции. Вместе исключительно дружно мы проработали последние 20 лет в Институте истории Академии наук. С радостью читая одним из первых в рукописи “Наполеона

Михаил Викторович Далин, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой медицинского факультета Российского университета дружбы народов.

Бонапарта” и “Три портрета”, я мог убедиться в том, как блестяще вернулся за эти полвека нашего знакомства и дружбы его замечательный талант»¹.

Вдумываясь в особенности жизненного и научного пути А.З. Манфреда, автор «четвертого портрета» выделяет элемент счастливой наследственности (А.З. был племянником по матери известного русского художника Леона Бакста), удачный выбор среднего учебного заведения (знаменитое Тенишевское училище в Петербурге), удача, приведшая юного А.З. Манфреда весной 1917 г. под балкон дворца Кшесинской, с которого в тот момент перед петроградскими «левыми» выступал В.И. Ленин.

Выбор жизненного пути своим героем В.М. Далин рассматривает как поиск человека, обладавшего незаурядными способностями к интеллектуальному творчеству. Муза Клио, по мнению автора, нашла в лице А.З. и ревностного поклонника, и апологета. В «четвертом портрете» подчеркивается трудолюбие А.З. Манфреда, его способность к неожиданному озарению, наличие у него «внутреннего цензора», заставлявшего складывать многое из написанного в стол. И постепенно перед читателем возникает образ не просто творческой личности, но и профессионала, исповедовавшего преклонение перед архивом.

С первых же страниц очерка рассказывается, что в личном архиве А.З. сохранилась переписка его старшей сестры с семьей Л. Бакста за 1914-1925 гг. Выясняется, что воспоминания младшей сестры Альберта Захаровича о детских и юношеских годах брата также находятся в архиве историка. Там же рукопись повести «Распавшаяся глыба» и поэмы «Северный мятеж», вырезка из газеты «Псковский набат» за июль 1924 г., напечатавшей стихотворение юного поэта, и газета «Комсомольская правда» за февраль 1927 г., где аспирант Института истории РАНИОН опубликовал стихотворение «Поездка к Пушкину».

Но с возрастом, кроме личного архива, в домашнем кабинете А.З. сформировался и архив научный. Особенно активно накопление архивных материалов производилось им во время работы над биографией Наполеона.

В.М. Далин так описывает это: «В те годы ... я всегда встречал его с портфелем, наполненным книгами, взятыми по библиотечному абонементу. Не видя у него обычных для историка карточек и листочков с выписками из книг, я как-то попросил Альберта Захаровича ознакомить меня с его “лабораторией”. Он любезным жестом указал мне на проем между письменным столом и окном его кабинета. Мне никогда в голову

¹ Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981. С. 6.

не приходило туда заглядывать: оказалось, что там высокой стопкой были уложены объемистые фолианты конторских книг и папок, содержащих выписки».

Труд автора читатель оценил по достоинству. Как сообщает В.М. Далин, «в архиве историка сохранилось около 500 писем по поводу его книги – писали историки, писатели, дипломаты, военные, учителя, студенты, школьники». Всю эту корреспонденцию А.З. бережно хранил.

После кончины А.З. Манфреда его супруга – доктор исторических наук Надежда Васильевна Кузнецова – передала коллекцию архивных документов в Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки. Фонд за прошедшие годы был тщательно разобран, описан и открыт для ознакомления. Работая в РГБ, я как-то попросил опись фонда А.З. Манфреда и с удивлением обнаружил, что в своем архиве А.З. сохранил более трех десятков писем, полученных им в разные годы от В.М. Далина. Из эпистолярного наследия отца я отобрал несколько текстов, которые, думаю, во многом позволяют понять, что в дальнейшем побудило профессора В.М. Далина к созданию «четвертого портрета» – жизнеописания бесконечно дорогого ему друга и коллеги.

Публикуемые тексты хранятся в рукописном отделе РГБ, фонд 772, картон 43, единицы хранения от № 59 до № 60. Письма датируются 1976 г. и были написаны в период пребывания А.З. Манфреда в подмосковном санатории «Дорохово».

1

[Конец августа 1976 г.]²

Дорогой Альберт!

Вот уже сорок восемь лет, как я слежу за твоей деятельностью и не могу не констатировать, что за последние годы ты решительно ушел вперед. То ли раньше ты писал, «наступая себе на поэтическое горло», то ли пришло новое, более целое видение, но ты сам думаешь, что теперь после 15 лет, ты написал бы своего Марата иначе. Сейчас ты говоришь полным голосом, как будто преодолев какой-то барьер. То, что я на правах «первочитателя» прочел уже после «Наполеона» – «Конец Жан-Жака» или страницы «Хождений по мукам Мирабо» – произвели на меня сильнейшее и неизгладимое впечатление. В этом отношении твоя судьба оказалась необыкновенно удачной: редко кому из крупнейших ученых, историков, писателей удавалось преодолеть возрастной потолок, а у тебя лучшее, тобой написанное, создано уже после шестидесяти лет. И с этим я тебя поздравляю.

² Написано к 70-летию Альберта Захаровича Манфреда, который родился 26 августа 1906 г.

Если бы существовало звание «Народного историка СССР», и оно присуждалось бы по заслугам, ты бы был первым кандидатом на это звание – ты стал наиболее популярным и наиболее читаемым (может быть только еще Милица³) из всех наших историков.

Я тебя крепко обнимаю.

Софья Моисеевна, Миша и Ира⁴ шлют тебе самые сердечные поздравления и самые добрые пожелания.

В. Далин

2

[середина ноября 1976 г.]

Дорогой Альберт!

Я писал тебе после прочтения первой половины *Мирабо*. Она произвела на меня сильное впечатление. Прежде всего, мастерством изложения – оно стоит на самом высоком уровне лучшей исторической прозы. Но в не меньшей мере тем, что здесь проявлена та «дистанция», которую Михаил Николаевич⁵ считал важнейшей частью дарования историка. Ни в описании «дикого барина» – этот эпитет чрезвычайно удачно применен, – ни в описании «вершины» нет никакого отступления от исторической правды – так все совмещается в одном человеке. И меня особенно тронуло последнее свидание с Софией и, вообще, весь эпизод отношений с Софией, все трагически головокружительные повороты в судьбе.

Что же касается Руссо, то мне кажется, что эпизод с «прозрением» нужно излагать не дважды – в середине и в конце, – а только в конце – тогда и получится, «когда», по твоему любимому выражению, но и к этому нужно добавить 1-2 стр. о месте трех последующих работ в арсенале социальной мысли XVIII века и, следовательно, в арсенале революции.

Вот примерное содержание «неотправленного письма» – я его, скорее всего, уронил во время своих утренних хождений.

В. Далин

3

19 ноября 1976 г.

Дорогой Альберт!

Двадцать лет назад, когда я впервые после «паузы» выступил на заседании сектора, ты один исключительно тепло и дружески меня приветствовал в своей речи. Я это запомнил на всю жизнь.

³ Милица Васильевна Нечкина – академик АН СССР.

⁴ Софья Моисеевна Айзенштадт – жена В.М. Далина, Михаил Викторович Далин – сын В.М. Далина, Ирина Александровна Гришина – невестка В.М. Далина.

⁵ Михаил Николаевич Покровский – академик АН СССР.

И теперь твое радушное письмо меня очень взволновало и обрадовало. Когда-то я пришел к Вячеславу Петровичу⁶ договариваться насчет работы по Марату. В конце разговора он вдруг спросил меня: «А как ваши отношения с Манфредом?» Я пожал плечами от неожиданности вопроса. Мне казалось, что наши отношения всегда были хорошими, даже при споре о «Nord». Но за эти годы у нас появилась настоящая дружеская близость, особенно теперь, когда мы остались почти одни.

Только ради бога не болей.

Обнимаю тебя

В. Далин

P.S. Но только когда ты пишешь, что без моей поддержки ты вряд ли мог бы что-то сделать, – я никак не могу не возразить – я благодарю, но против меня Наполеон и Мирабо.

В. Далин

⁶ Вячеслав Петрович Волгин – академик АН СССР.